

В. Н. Порус

Тезисы к докладу «**ДВА ЛИКА ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ**»¹

Термин «философия истории» имеет различные смыслы. Они связаны между собой, но смешивать их или принимать один за другой не следует.

1. Философию истории можно понимать как особое занятие философов: конструирование общей картины (теории) исторического процесса. Ее пытаются получить встраиванием описаний исторических событий в последовательность, смысл которой не *выводится* из описанных событий и каузальных связей между ними, а *полагается* пред-существующим по отношению к ним. Исторические события выступают «свидетельствами» общего смысла истории, *указывают* на него, а философ, учитывая эти указания, раскрывает его в понятиях, делает *понятным*. Если этот смысл - в подчинении исторического процесса неким *объективным законам*, философ претендует на знание этих законов. Как получается это знание – отдельный вопрос. Например, К. Маркс построил теорию закономерной смены общественно-экономических формаций, исходя из политэкономического анализа фундаментальных общественных отношений (прежде всего производственных). Это было названо «историческим материализмом». Была ли эта концепция философской? Маркс думал, что ему удалось увести историческую науку от *философских* спекуляций и поставить на рельсы *научного* анализа. Впоследствии это стали именовать «марксистской философией истории». К. Поппер назвал подобные подходы к смыслу истории «историцизмом» и подверг их критике за недооценку способности людей влиять на ход исторических событий рационально-критическим воздействием на социальную и природную среды своего обитания, за «пассивизм» - смирение человеческого разума перед господством исторических законов [Поппер, 1993].
2. Смысл истории может быть представлен философом иначе – как тайна, к которой надо приближаться не научным, а каким-то иным путем. Скажем, духовным усилием, направленным на снятие «отчуждения» от истории через экзистенциальное переживание. Бердяев заявляет, что «историческое есть откровение о ноуменальной действительности». Чтобы «проникнуть в тайну «исторического», я должен, прежде всего, постигнуть это историческое и историю как до глубины *мое*, как до глубины *мою* историю, как до глубины *мою* судьбу». Тогда откроется, что «истинная философия истории есть <...> приобщение человека к другой, бесконечно более широкой и богатой действительности, чем та, в которую он ввергнут непосредственной эмпирией» [Бердяев].
3. Такую философию истории именуют «историософией». Историософские опыты продолжаются и в наши дни, несмотря на негативные коннотации, которыми оброс этот термин под влиянием позитивистской критики «метаисторических» конструкций. В наше время мысль о том, что философскими рассуждениями

¹ Подробнее см.: В.Н.Порус. Два лика философии истории // Философский журнал. М. Том 12. № 1/ 2019. С. 104 – 116.

можно как-то превзойти науку, критически оценивать ее результаты и даже указывать ей магистрали движения, вызывает отторжение у большинства историков.

4. В ином смысле «философия истории» - название для различных направлений философского анализа истории как *науки*. Время от времени вновь задается сакраментальный вопрос о том, является ли история наукой, и если да, то в чем ее специфика, например, в сравнении с «науками о природе». Вопрос этот обсуждается издавна, но едва ли можно сказать, что здесь уже все ясно. Часто этот вопрос переводится в методологический план. Таково, например, классическое противопоставление «номотетической» методологии естествознания «идиографическому» методу истории (Г. Риккерт и др.), эхо которого еще звучит и в современных исследованиях по методологии наук об обществе и культуре. Но сведение философии науки к методологии, как показывают современные исследования, сужает сферу ее интересов и не устраняет, но даже усиливает сомнения в ее значимости для науки. Методологические поиски, безусловно, необходимы, но нужна ли для этого специальная философская дисциплина?
5. Как связаны между собой смыслы термина «философия истории»? Их противопоставление встречается в спорах между философами, в принципе разделяющими мысль о «ноуменальности» исторического, и историками, склоняющимися к тому, что следовать отвлеченным философским концепциям о смысле исторического процесса - дело бесполезное, если не вредное, поскольку это ограничивает историческую науку в познании исторической действительности во всей ее конкретности.
6. Исторические факты не выводятся из историософских схем. Эти схемы являются попытками выявить смысл (или бессмыслие) истории, исходя из представлений о ее цели (или бесцельности). Иначе они были бы просто не нужны. Поэтому возражения против дедукции истории из историософии совершенно справедливы, но лишь в том случае, когда историософию выдают за методологическую базу исторической науки. Если этого не делать, возражения повисают в воздухе.
7. Историософская реконструкция истории - это попытка определить «желаемую» цель исторического развития. Эту цель не в состоянии определить *историческая наука*. Когда историософ говорит о целях исторического процесса, он лишь пытается выразить ценностные ожидания своей культуры, как он их понимает. Разумеется, нет гарантии, что его понимание совпадет с ожиданиями большинства людей, его современников и соучастников в культуре. Чаше бывает совсем наоборот.
8. Из-за не вполне ясного различения смыслов термина «философия науки», когда речь идет об историософии, ее упрекают в недостатке научности, а когда говорят об анализе исторического познания, то предлагают обогатить его историософскими идеями. Например, когда говорят о том, что научная практика историка все больше обращается к выстраиванию нарративов как форм исторического знания, а потому актуализируется проблема генезиса различных нарративов и факторов их взаимодействия, естественно возникает необходимость объяснить целевую направленность этого процесса. Но такое объяснение – это проблема, выходящая за пределы возможностей нарративного анализа как такового.
9. Историческая наука является фактором формирования общественного сознания. Но действие этого фактора не всегда одинаково. Оно усиливается в периоды социальной, политической и экономической нестабильности и может даже служить индикатором последней. Чем беспокойнее сегодняшний день, тем настороженней люди всматриваются в прошлое и тем более неуравновешенны их ожидания

будущего. Именно поэтому так напряжены споры вокруг исторических событий, трактовка которых касается нервов исторической памяти и влияет на оценку современных социально-политических процессов.

10. Это относится и к философии истории. Когда философы рассуждают об исторической науке или выдвигают свои предположения о целях истории, к ним неравнодушно прислушиваются не только историки-специалисты. Здесь надо отметить, что в отличие от истории как науки, философия истории практически не имеет институционального оформления, ее «локус» размыт. Отчасти поэтому об исторических событиях «философствуют» не только специалисты. Дилетантская или обыденная «философия истории» распространена во всех слоях общества и создает особую среду, в которой профессиональные суждения об истории профанируются.
11. Это означает, что в густое переплетение общественных оценок истории суждения профессиональных историков и философов попадают не непосредственно, а в превращенном виде, часто в виде мифов или сознательных искажений, которые делаются по заказу заинтересованных в этом социальных и политических структур или в угоду им.
12. Философия истории имеет интерес ко всему контексту, в котором работает история как наука. В поле ее внимания попадает спектр влияний, оказываемых на историков в этом контексте: политические давления, идеологические споры, переливы и перепады общественного мнения, формируемые через СМИ и т. п. Она и сама находится в том же контексте, являясь его составной частью. И это значит, что философия истории находится в непрерывной саморефлексии. Испытывая влияние контекста, она в то же время должна исследовать этот контекст, определять свое отношение к нему, вырабатывать принципы его рациональной критики, и, следовательно, самокритики.